

Общая возвратится къ известковой флорѣ Оштена и Фишта въ концѣ своей статьи, я теперь опишу эти горы только съ географической и геологической точки зрѣнія. Горы Фиштъ (9360 ф.) и Оштень находятся на Главномъ Кавказскомъ хребтѣ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ начинаетъ весьма быстро понижаться. Эти двѣ горы—последнія пастбищныя вершины Главнаго хребта. Слѣдующія за ними вершины—Аугль (4400 ф.) и проч. едва выходятъ изъ лѣсной полосы. Насколько низко Главный хребетъ возлѣ самой горы Фиштъ, можно судить изъ того, что перев. Шитлибъ, ведущій съ верховья р. Шахе на верховья р. Схагуашъ, имѣетъ всего 6 съ небольшимъ тысячъ футъ высоты. Я дѣлалъ восхождение и на Фиштъ и на Оштень. Фиштъ имѣетъ двѣ главныхъ вершины, раздѣленные чрезвычайно глубокимъ и узкимъ ущельемъ, по которому спускается, на сѣверо-востокъ, небольшой ледникъ. Одна изъ вершинъ, на которую я восходилъ, достигаетъ 9000 слишкомъ футъ высоты (по англоиндскому опредѣленію). Другая—значительно выше, футъ на 500 по крайней мѣрѣ. Оштень нѣсколько ниже Фишта. Обѣ горы образованы сплошь известняками краснаго цвѣта (благодаря присутствію въ нихъ желѣза). Эти известняки представляютъ самыя ужасныя рывины, бездонныя провалы и промоины, глубочайшія трещины. Мѣстами поверхность скалъ просто какъ бы изъѣдена. Словомъ—та самая картина, что на известковыхъ горахъ Мингрелии или Абхазіи. Любопытно, что весь дальнѣйшій рядъ вершинъ Главнаго хребта по направленію къ юго-востоку (Абаго, Шугушъ (10642 ф.) и пр.) уже не известковый, какъ въ этомъ мѣнѣ завѣрили гг. Старкъ и Константиновъ, бывавшіе въ тѣхъ мѣстахъ.

Горы Фиштъ и Оштень, какъ я уже замѣтилъ, составляли исключительную пѣчу моего втораго путешествія въ Черноморскій округъ. Посѣтивъ ихъ, я вернулся тѣмъ же самымъ путемъ къ берегу моря. Здѣсь слѣдовало бы охарактеризовать лѣсную растительность посѣщенной мною мѣстности. Но она такъ сходна съ лѣсною растительностью Абхазіи, что описывать ее—значило бы повторяться. По рѣкѣ Шахе я встрѣчалъ всё, или почти всё лѣсныя породы Абхазіи, распределенныя въ вертикальномъ направленіи по тѣмъ же самымъ полосамъ. Только ростъ и развитіе ихъ значительно уступаетъ тому, что можно видѣть въ Абхазіи,—что легко объясняется болѣе сѣвернымъ положеніемъ мѣстности. По р. Шахе довольно много *самшита*, который растетъ

здѣсь на литографскомъ сканцѣ. Повсюду въ долинѣ р. Шахе мы встрѣчали остатки убыхскихъ и шапсугенскихъ садовъ и, между прочимъ, массу отличнаго винограда. Все это безвозвратно пропадаетъ, будучи заглушаемо быстро разрастающимся сорнымъ ольховымъ и орѣшниковымъ лѣсомъ.

Въ долинѣ р. Шахе, говорятъ, находится много доменовъ, суди по разсказамъ, совершенно тождественныхъ съ тѣми, которые существуютъ на уроч. Пшадѣ и возлѣ Лазаревскаго. Въ особенности много этихъ доменовъ возлѣ уроч. Старый Кичмай, а также на хребтѣ противъ впаденія въ Шахе рѣки Бачъ. Расположены домены всегда по вершинамъ горъ. О происхожденіи ихъ у черкесовъ существуетъ любопытная легенда. Домены эти (по черкески *спузъ*) были выстроены великанами *Ичхезъ*. Эти великаны жили на положеніи рабочихъ у карликовъ *Сти*, которые собственно и были настоящими хозяевами доменовъ и жили въ нихъ вмѣстѣ съ своими *лонадми-зайцами* (*тамъэкхъ*).

Пользуясь своимъ пребываніемъ у черкесовъ, я старался добыть о нихъ кое-какія этнографическія свѣдѣнія. Черноморскіе черкесы едва затронуты этнографическими изслѣдованіями. Объясняется это ихъ быстрымъ выселеніемъ въ Турцію послѣ окончательнаго покоренія нами Кавказа. Одно изъ черкесскихъ племенъ, именно убыхи, исчезло совершенно бесслѣдно для науки, которая даже не знаетъ въ точности, какимъ языкомъ говорилъ этотъ народъ. О черноморскихъ черкесахъ—шапсугахъ и покуда я знаю всего только двѣ работы, заслуживающія довѣрія, одна—сочиненіе Белля „*Journal d'une résidence en Circassie*“, а другая—статья Люлье, помѣщенная имъ въ Зап. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ. въ 50-хъ и 60-хъ годахъ¹⁾. Статьи Люлье представляютъ въ высшей степени солиднаго произведенія, и мои мимолетныя наблюденія едва-ли могли прибавить что-либо существенное къ сообщаемымъ въ нихъ свѣдѣніямъ. Такъ какъ, однако, повторю, о черноморскихъ черкесахъ все-таки слишкомъ

¹⁾ Люлье. Вѣрованія, религиозныя обряды и предрассудки черкесовъ. Зап. К. О. Р. Г. О. 1862, кн. V.

— Учрежденія и народныя обычаи шапсуговъ и натухадцевъ. Зап. К. О. Р. Г. О. 1866, кн. VII.

— Общій взглядъ на страны, занимаемыя горскими народами: черкесами, абхазцами и другими смежными съ ними. Зап. К. О. Р. Г. О. 1857, кн. IV.

— О натухадцахъ, шапсугахъ и абдзахцахъ. I. с.

мало известно, и скоро, по всей вероятности, этот народ сойдет со сцены и тогда уже окончательно будет потерян для науки, то я считаю своим долгом рассказать здесь все, что мне удалось узнать о них на месте.

Черкесы, у которых я был, принадлежат к племени *шахсу*. Они—остатки небольшого народа *хакучей*, живших прежде на верховьях р. Хакучисе. Этот народец оказался здесь более привязанным к своей родине, и завоевателям пришлось употребить не мало усилий, прежде чем им удалось выжить хакучей из их гнёзд в неприступных ущельях черноморских гор; хакучи во всяком случае ушли в Турцию последними. Те Хакучи, которых я застал на р. Шахе—последние могикане этого народа. Их осталось всего 110 дымов. Из них 40 дымов живут теперь на р. Шахе, образуя селение под названием Кичмай, а другие 70 дымов составляют сел. Александровское на верховьях рёки Аппе. Прежде они жили на уроч. Лёсном на р. Мдымте, воздъ Адлера, и переехали сюда лишь в сравнительно недавнее время. Живут они сь большим достатком, даже богато: например, один из моих бывших проводников имѣть цѣлый табун лошадей. Сь русской культурой успѣли свыкнуться. Большинство говорят и почти всё понимают по русски. Въ сакляхъ болѣе состоятельныхъ вы найдете русскую мебель и русскую домашнюю утварь—въ томъ числѣ даже самоваръ. Не смотря однако на благосостояніе, которымъ они теперь пользуются, многие изъ нихъ поговариваютъ о выселеніи въ Турцію, невѣжды котораго, впрочемъ, всё отлично понимаютъ. Причина—боязнъ солдатчины.—Несмотря на такое внѣшнее усвоеніе чуждой имъ культуры, хакучи однако отлично сохранили въ памяти преданія старинны,—сохранили даже въ гораздо болѣе степені, чѣмъ, напримеръ, уорно-консервативные абхазцы. Даже молодые черкесы могли назвать мне имена черкесскихъ языческихъ божествъ и рассказать одно-два нартовскихъ преданія. Мусульманская религія, вѣсти сказать, привилась у нихъ очень слабо, хотя у нихъ и существуютъ мечеть, медресе и мулла. Молитвъ они вовсе не знаютъ, намазовъ не творятъ, омовеній не дѣлаютъ. Къ мулламъ особеннаго почтенія не питаютъ. Напротивъ, какъ я самъ бывалъ свидѣтелемъ, исподтишка надъ ними подсмѣиваются. Единственно, въ чемъ они являются правотѣрными—это въ томъ, что они не пьютъ вина и не ѣдятъ свинины. По характеру народъ этотъ довольно сим-

патичный—мягкій, пріятный, хотя вѣсѣтъ сь тѣмъ расчётливый и хитрый. Въ противоположность абхазцамъ, черкесы-хакучи очень молчаливы и сдержаны. Во всякомъ случаѣ они умнѣе, практичнѣе и болѣе способны къ культурѣ, чѣмъ абхазцы. Обычай черкесовъ во многомъ напоминаетъ абхазскіе. Не смотря на мусульманскую религію, дѣвушка держится здѣсь совершенно свободно—также свободно, какъ въ Абхазіи. Она постоянно является въ кунацую, прислуживать гостямъ. Сь ней можно разговаривать и даже шутить. До сихъ поръ у хакучей распѣваются пѣсенки про красавицу Працъ, гремящую въ этихъ мѣстахъ дѣтъ 30—40 тому назадъ, черезуръ острый язычекъ которой не оставалъ въ покоѣ ни одного посѣтителя, являвшагося въ домъ ея отца и въ концѣ концовъ разогналъ всѣхъ гостей изъ кунацкой. Замужняя женщина, напротивъ того, гостямъ не показывается, хотя при встрѣчѣ лица своего и не закрываетъ (въ Абхазіи, какъ известно, напротивъ, хозяйка дома выходитъ на встрѣчу гостя и принимать въ пріемъ его не меньшее участіе чѣмъ самъ хозяинъ). Взглядъ на женщину, благодаря вліянію ислама, у хакучей значительно разнится отъ того, какой существуетъ въ Абхазіи. Абхазцы смотрятъ на женщину какъ на существо сь мужчиной равноправное, работъ она несетъ гораздо меньше мужчины, и бракъ у абхазцевъ вовсе не носитъ характера купли-продажи: женихъ и отецъ невѣсты обмѣниваются подарками *равной* стоимости, послѣ чего бракъ считается заключеннымъ. Кроме того, у абхазцевъ болѣею частію дѣвушка вольна въ выборѣ жениха. У черкесовъ бракъ заключается посредствомъ *мекья*, или обязательства вылатить за дѣвущку известную сумму денегъ, обыкновенно—300-500 рублей. Большая часть этихъ денегъ присвоивается родителями невѣсты, и лишь незначительная—идетъ подъ обезпеченіе жены на случай смерти мужа или развода. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло не сь *мекья*мъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, какъ оно понимается у мусульманъ (обязательство обезпечить жену известной суммой денегъ на случай смерти или развода—нѣчто вродѣ *donair* французовъ и *dower* англичанъ), а скорѣе—съ татарскимъ *калымомъ*, который въ сущности обозначаетъ прямо куплю-продажу дѣвущки. Изъ-за этого калыма у черкесовъ постоянно бывають недоразумѣнія и споры и еще не такъ давно произошло изъ за него кровавое столкновение.

Я хотѣлъ рассказать о черкесскихъ суевѣрїяхъ и охарактеризовать различныя божества черкесовъ. Но все это такъ об-

стоятельно описано въ превосходной статьѣ Люлье, что мои распросы не могли прибавить сюда ничего новаго. Замѣчательно, что черкесы давали мнѣ характеристику своихъ божествъ въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ они описаны у Люлье. Это, съ одной стороны, придаетъ еще болѣе солидности статьѣ послѣдняго, а съ другой—наглядно говоритъ о томъ, какъ твердо держатся у черноморскихъ черкесовъ старинныя вѣрованія, не смотря на вліяніе мусульманства. Вѣрованія и религиозныя обряды на столько хорошо сохранились въ памяти народа, что до сихъ поръ еще вамъ могутъ не только пересказать, но даже пропѣть нѣкоторыя старинныя молитвы. Упомяну о нѣкоторыхъ суевѣріяхъ черкесъ, которые почему-то не вошли въ статью Люлье.

1) Черкесы вѣрятъ въ существованіе особнхъ добрыхъ гениевъ, въ образѣ прекрасныхъ женщинъ, которыхъ они называютъ *джиньѣ* (отъ слова *джинѣ*—духъ). Эти *джиньѣ* обладаютъ даромъ всевѣдѣнія и могутъ сообщать его людямъ. Онѣ нѣрѣдко вступаютъ въ связь съ человѣкомъ, котораго любятъ, и тогда исполняютъ всѣ его желанія. Для всѣхъ другихъ, кромѣ своего любовника, онѣ—невидимки. Но горе тому человѣку, съ которымъ онѣ живутъ, если онъ признается, что съ нимъ въ связи *джиньѣ*; тогда онъ навѣки потеряетъ ее.

2) По повѣрью хакучей, въ лѣсахъ ихъ страны обитаютъ какія-то дикія существа, *мезланукъ* (*лѣсные люди*). У нихъ на груди всегда бываетъ привѣшенъ маленький топоръ. На людей эти существа бросаются и убиваютъ ихъ. Несомнѣнно, что *мезланукъ* совершенно тождественны съ абхазскими *абнаоѣ* и самурзаканскими *очокочи*, т. е., въ переводѣ, *лѣсными людьми*, которыхъ абхазское и самурзаканское преданія рисуютъ также съ топорами на груди.

3) Кромѣ *мезланукъ*, въ лѣсахъ живутъ еще другого рода существа—*мезинѣ* (*мез*—лѣсъ, *инѣ*—человѣкъ). Это суть существа, всѣ оброщія волосами. Ходятъ они безъ всякой одежды. Человѣка не трогаютъ. Не есть ли это грузинскіе *маймути* (*люди-обезьяны*)?

Любопытно будетъ сопоставить обрядъ, исполняемый шапсугами надъ трупомъ убитой громаго скотаны (или человѣка), съ подобнымъ же обрядомъ, существующимъ въ Абхазіи и въ Самурзакани. Обрядъ этотъ у шапсуговъ носитъ названіе *шиблѣ* (отъ слова *шиблѣ*—богъ грома). Онъ превосходно описанъ у Люлье, и я считаю поэтому излишнимъ распространяться о немъ.

Скажу только, что онъ состоитъ въ томъ, что убитое животное поднимаютъ на нарочито устраиваемую для этого вышку; затѣмъ всѣ участвующіе въ церемоніи, взявшись за руки, начинаютъ плясать вокругъ вышки, причемъ одна сторона поетъ «*о-елла*», а другая отвѣчаетъ—«*е-аллѣ*». Затѣмъ всѣ вмѣстѣ подхватываютъ: «*о-елла-е-аллѣ*». Обрядъ заканчивается закланіемъ жертвеннаго животного и обнимъ широмъ. Совершенно въ такой же формѣ существуетъ обрядъ въ Абхазіи и Самурзакани. У абхазцевъ онъ носитъ названіе *Афу-амла*, т. е., *молитва въ честь Афу* (бога грома), а у самурзаканцевъ—*жениши-хвама*, т. е., верхняя молитва. Только у абхазцевъ при пляскѣ поется другой припѣвъ, а именно: одна половина хора поетъ «*во-етла*», а другая—«*чау-паръ*»; затѣмъ хоры соединяются и поютъ вмѣстѣ «*во-етла-чау-паръ*»¹⁾. Слова: «*во-етла*» и «*чау-паръ*» не имѣютъ въ абхазскомъ языкѣ никакого значенія, точно также какъ и у черкесовъ «*елла-еллѣ*».—У хакучей до сихъ поръ отлично сохранился въ памяти этотъ обрядъ, и одинъ сравнительно молодой черкесъ въ высшей степени живо описалъ мнѣ его и даже пропѣлъ припѣвъ. Курьезно, что не менѣе живо сохраняется этотъ языческій обрядъ и въ христіанской Самурзакани.

Находясь въ гостяхъ у хакучей, я старался также выведать у нихъ все, что имъ извѣстно относительно ихъ бывшихъ сосѣдей—убыховъ. Убыхи, какъ я уже говорилъ, представляютъ народъ, безслѣдно погибшій для науки. Они всѣ до послѣдняго человѣка выселились въ Турцію прежде, чѣмъ этнографы могли узнать что-либо объ ихъ обычаяхъ, вѣрованіяхъ и языкѣ. По словамъ Люлье, убыхскій языкъ не похожъ ни на черкесскій, ни на абхазскій. Впрочемъ, Люлье самъ у убыховъ не былъ, а у шапсуговъ, среди которыхъ онъ долго жилъ, не могъ добыться объ этомъ положительныхъ свѣдѣній. Напротивъ, турецкій путешественникъ XVII вѣка Эвлия-Эфенди, проѣхавшій по всему Черноморскому побережью и посѣтившій въ томъ числѣ земли убыховъ, утверждаетъ, что послѣдніе говорили именно абхазскимъ языкомъ. Извѣстный изслѣдователь кавказскихъ нарѣчій, баронъ Усларъ, началъ было изучать убыхскій языкъ, пользовался пребываніемъ въ русскомъ лагерѣ убыхскаго мальчика; но занятія его оборвались неожиданнымъ образомъ въ самомъ началѣ

¹⁾ Срв. *Соломонъ Званбайя*. Очерки абхазской мивологіи. Газ. «Павзакъ» 1867, № 74—76.